

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ"

№ 21 Суббота, 7 (20) іюня 1903 г. № 21

Русскіе художники въ Парижѣ.

Алексѣй Алексѣевичъ Харламовъ.

Алексѣй Алексѣевичъ Харламовъ двадцать лѣтъ занимаетъ одну и ту же мастерскую на площади Пигалль. Вообще Харламовъ отличается постоянствомъ въ своихъ привычкахъ. Цѣлыми годами ходитъ онъ завтракать и обѣдать въ одинъ и тотъ же ресторанъ на улицѣ Фонтэнъ. И хозяинъ кафэ, и гарсоны встрѣчаютъ Алексѣя Алексѣевича, какъ родного.

Харламовъ, — весь обликъ художественный и внѣшній, — удивительно гармонируетъ съ его мастерской. Картины Алексѣя Алексѣевича—копіи со старыхъ гигантовъ кисти, красивыя ширмы, гобелены, древнее оружіе,—все это сообщаетъ артистически скромной студіи что-то утонченно-благородное, чуждое желанія произвести дешевый эффектъ.

Харламовъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, на рѣдкость бодръ и крѣпокъ. Онъ средняго роста, сухощавъ и строенъ. Темные молодые глаза являютъ интересный тоновой контрастъ съ серебряной бородой и усами. Одѣтъ Алексѣй Алексѣевичъ всегда изящно. Всегда цилиндръ. Въ обращеніи, въ манерахъ что-то изысканное и вмѣстѣ искреннее, напоминающее „грансеньеровъ" сороковыхъ годовъ. И рѣчь Харламова, русская рѣчь, слегка старосвѣтская. Онъ говоритъ „ежели" и „теперича", и это весьма идетъ къ его общему стилю.

Работаетъ Алексѣй Алексѣевичъ регулярно. Въ десять утра онъ уже за мольбертомъ. Въ двѣнадцать идетъ завтракать. Отъ часу до четырехъ опять пишетъ. Харламовъ большой любитель музыки и пѣнія. Недаромъ въ дѣтствѣ онъ мечталъ сдѣлаться скрипачемъ. Увлекшись оперой Вагнера „Тристанъ и Изольда", Алексѣй Алексѣевичъ добылъ французскій романъ этого же заглавія, проштудировалъ его и сдѣлалъ около 200 иллюстрацій. Сдѣлалъ для собственнаго удовольствія. Онѣ лежатъ у него въ папкѣ, и онъ никуда не предлагалъ ихъ для напечатанія. Замѣчательно мастерскія иллюстраціи, въ которыхъ сочеталось все—изящество рисунка, глубина замысла и благородство композиціи. Право, это трогательно! Одинокій художникъ сидѣлъ дома долгими зимними вечерами и самымъ платоническимъ образомъ иллюстрировалъ понравившійся ему романъ. И даже ни разу не мелькнула мысль утилизировать эти иллюстраціи. Тѣмъ болѣе, что любая издательская фирма Парижа пріобрѣла бы ихъ съ удовольствіемъ за большія деньги. Харламовъ одинъ изъ весьма немногихъ русскихъ художниковъ, котораго французы и знаютъ, и люб..тъ, и цѣнятъ.

Харламовъ большой поклонникъ Рембрандта. У него висятъ двѣ копіи съ вещей геніальнаго Ванъ-Рина: „Ночной дозоръ", въ значительно уменьшенномъ видѣ, и мужской портретъ. Алексѣй Алексѣевичъ съ рѣдкимъ искусствомъ сумѣлъ сообщить своимъ краскамъ ту плѣнительную печать времени, которую вѣка положили на чудныя картины Рембрандта.

Харламовъ знакомилъ меня со своей мастерской.

— Это, вѣроятно, Мурильо?— спросилъ я, указывая на этюдъ смѣющейся дѣвочки.

— Нѣтъ, это я,—скромно улыбаясь отвѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ, — видите подпись...

Оставалось только руками развести. Я зналъ, что Харламовъ большой первоклассный живописецъ, но, признаться, все же не подозрѣвалъ въ немъ такой невѣроятной силы. Такой экспрессіи смѣха я не встрѣчалъ

Знаменитый русскій художникъ
А. А. Харламовъ.
(Съ наброска художника Д. О. Видгофа, сдѣланнаго для „Биржевыхъ Вѣдомостей".

ни у кого изъ русскихъ, никогда... Дѣвочка смѣялась, какъ сама жизнь, какъ сама правда. Ни малѣйшей натяжки, ни малѣйшихъ мускульныхъ усилій... Живопись—чарующая!

— Эта вещь очень нравилась покойному Третьякову. Онъ хотѣлъ купить ее во что бы то ни стало. Предлагалъ три тысячи...

— И вы?

— Отказалъ. Она мнѣ самому нравится, чего далеко не могу сказать про большинство своихъ вещей. Пускай виситъ... Теперича покажу вамъ свои рисунки...

Папка, набитая рисунками перомъ. Преимущественно дѣти, которыхъ такъ хорошо и задушевно изображаетъ старый холостякъ Алексѣй Алексѣевичъ. Тонкость и изящество штриха, отдѣлки доведены до совершенства. И все, каждый пальчикъ, каждый „слѣдокъ", строго нарисованы, „прочувствованы"...

— Прежде чѣмъ начать картину, я сначала рисую ее въ маленькомъ видѣ, рисую такъ, чтобъ потомъ не отступать отъ композиціи даже въ мелочахъ. Вотъ почему эти вещицы нарисованы тщательно...

Алексѣй Алексѣевичъ сталъ разспрашивать меня о теперешней академіи художествъ, которую онъ покинулъ больше тридцати пяти лѣтъ назадъ, и мало-по-малу началъ припоминать, разсказывать свое прежнее житье-бытье, когда еще совсѣмъ зеленымъ юношей онъ колебался, чему отдаться всецѣло,—смычку или кисти...

— Къ тринадцати годамъ окончательно выяснилось, что мое призваніе—сдѣлаться живописцемъ. Старшій братъ опредѣлилъ меня въ академію. Бѣдствовать приходилось мнѣ сильно—средствъ никакихъ! Съ четырнадцати лѣтъ я вышелъ на самостоятельную дорогу, кое-какъ зарабатывая уроками рисованія ровно столько, чтобы хватало жить впроголодь. Теперича даже вѣрить не хочется, что была пора такой страшной нужды. Словно смутный сонъ какой-то... Въ академіи я шелъ однимъ изъ лучшихъ и всегда получалъ первые нумера за эскизы и рисунки. Какъ сейчасъ помню посѣщеніе нашего класса Великой Княгиней Маріей Николаевной. Надо вамъ замѣтить,—въ юности я отличался чрезвычайно маленькимъ ростомъ: вмѣсто пятнадцати, мнѣ давали на видъ лѣтъ одиннадцать. Великая Княгиня подошла къ моему мольберту, смотритъ на рисунокъ и говоритъ:

— Какъ хорошо!—и обращаясь къ ректору Басину:—неужели онъ самъ рисовалъ, такой маленькій; развѣ онъ такъ можетъ? Вѣрно кто-нибудь ему нарисовалъ?..

Мнѣ такъ стало обидно, что я заплакалъ...

Съ полученіемъ большой золотой медали и съ назначеніемъ заграничной пенсіи, дѣла мои круто измѣнились къ лучшему. Скромное академическое жалованье показалось мнѣ крезовымъ богатствомъ. Я уѣхалъ въ Парижъ, но застрялъ на годъ въ Брюсселѣ и Гагѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, это былъ семидесятый годъ, когда пруссаки осадили Парижъ, а во-вторыхъ, хотѣлось досконально изучить фламандскую школу на мѣстѣ. Къ этому времени относятся и тѣ копіи, что висятъ здѣсь, и „Урокъ анатоміи", который вы видѣли въ Кушелевской галлереѣ. Жилъ я вмѣстѣ съ Гуномъ. Вмѣстѣ мы и работали Мы почти не знали туземнаго языка, но это намъ нисколько не мѣшало. Писали этюды съ утра до вечера и были счастливы, какъ дѣти...

Наконецъ, я очутился въ Парижѣ. Повезло мнѣ. Первыя вещи, которыя написалъ я, были тотчасъ-же проданы. Обо мнѣ заговорили. Въ результатѣ — черезъ посольство меня оффиціально увѣдомляютъ, чтобы я выѣхалъ въ Эмсъ писать портретъ Императора Александра Второго. Таково было его личное желаніе—имѣть портретъ моей кисти. Прекрасно! Собираюсь и ѣду. Къ тому же не одинъ. Уговорилъ ѣхать за компанію моего большого пріятеля,—молодого пѣвца Николая Михайловича Спасскаго. Человѣкъ и товарищъ отличный. Мы его всѣ любили и называли Николя Спасскій. Съ удовольствіемъ всегда вспоминаю время, проведенное нами въ Эмсѣ. Окончилъ портретъ Государя и затѣмъ, по его желанію, написалъ министра двора, графа Адлерберга. Какъ-то разъ, когда оба портрета стояли рядомъ, входитъ Адлербергъ.

— Который лучше?—спрашиваетъ.

— Къ сожалѣнію, вашъ лучше вышелъ,—отвѣчаю. Несмотря на все мое желаніе сдѣлать портретъ Государя возможно удачнѣе,—это не удалось. Государь нервничалъ и плохо позировалъ...

Адлербергъ возьми и скажи Государю:

— Харламовъ говоритъ, Ваше Императорское Величество, что мой портретъ лучше Вашего, потому что Вы нехорошо позировали...

Это при мнѣ-то! Я не зналъ, куда дѣваться. Но Государь усмѣхнулся и сразу вывелъ меня изъ неловкаго положенія... Не помню въ точности сколько, но за оба портрета я получилъ очень много денегъ...

Вообще, не могу пожаловаться, мои портреты всегда нравились моделямъ. Тургеневъ, напримѣръ, былъ въ восторгѣ. Когда я писалъ его, онъ водилъ ко мнѣ въ мастерскую показывать портреты Флобера, братьевъ Гонкуръ, Додэ, Золя... Теперича я рѣдко пишу портреты... Все больше картины, головки...

— Въ какихъ вы, Алексѣй Алексѣевичъ, отношеніяхъ съ французскими художниками?

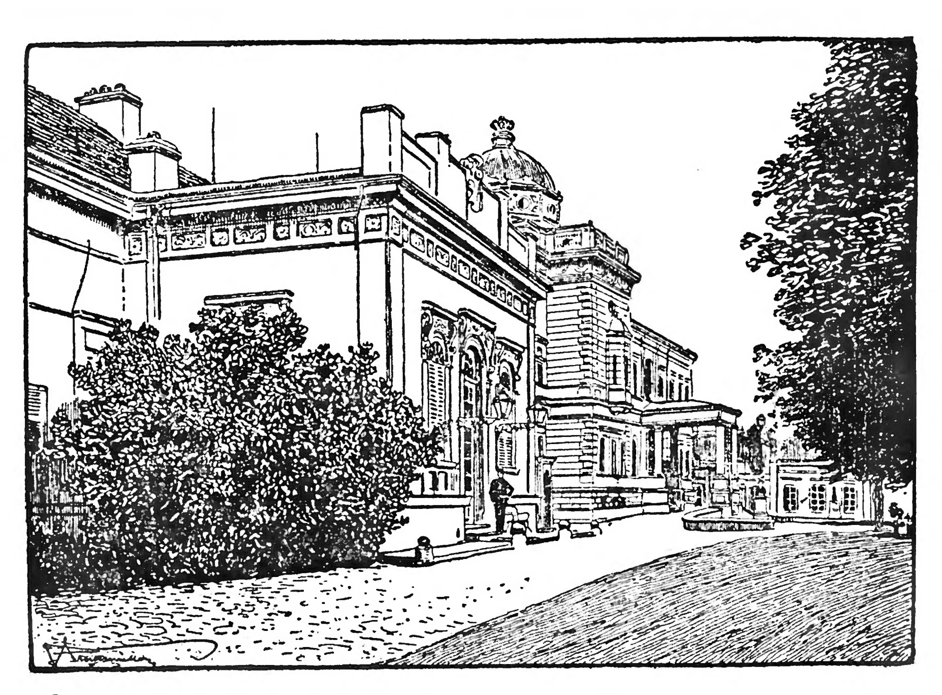
— Въ никакихъ.

— То-есть?..

— Въ буквальномъ смыслѣ слова. Никакого общенія. Они насъ, иностранцевъ, терпѣть не могутъ. Презираютъ. Имъ все кажется, что мы у нихъ отбиваемъ хлѣбъ. Живутъ своимъ замкнутымъ кружкомъ.

— И французскихъ семей нѣтъ знакомыхъ?

— Нѣтъ... Никакой въ этомъ надобности.

Бѣлградскій конакъ, въ которомъ разыгралась трагедія 28-го—29-го мая.

† Младшій братъ королевы Драги, подпоручикъ Никодимъ Луневица, котораго король Александръ предполагалъ назначить наслѣдникомъ престола.

† Старшій братъ королевы Драги, поручикъ Никола Луневица.

Народъ они далеко не радушный. Живутъ крайне экономно. Боже васъ упаси попасть невзначай къ обѣду или завтраку во французскую семью. Переполохъ, паника! Если ихъ, скажемъ, пятеро въ домѣ, то готовятъ только пять тарелокъ супу, только пять котлетъ. Все разсчитано. Даже въ богатыхъ домахъ. Даже у Віардо, когда тамъ жилъ Иванъ Сергѣевичъ. Попасть къ нимъ неожиданно къ обѣду— значило остаться голоднымъ... Да и вообще я легко могу обходиться безъ людей... Жизнь пріучила... День работаешь, устанешь, вечеромъ либо въ театръ, либо книжку почитаешь... Вотъ русскихъ книгъ почти не приходится читать. Нѣтъ ихъ въ Парижѣ. Вашего Горькаго, напримѣръ, читалъ по французски...

— Нравится вамъ Горькій?

— Талантливо, пожалуй. Только ужъ очень некультурно. Грубо какъ-то. Я воспитанъ на другихъ образцахъ—на Тургеневѣ, на Флоберѣ...Не можетъ Горькій послѣ нихъ нравиться, мнѣ по крайней мѣрѣ... Это все равно, что живопись нѣкоторыхъ нашихъ передвижниковъ, вродѣ покойнаго Ярошенки...

— Скажите, кто изъ русскихъ художниковъ имѣлъ успѣхъ здѣсь, въ Парижѣ?

— Почти никто, за исключеніемъ Похитонова и нѣкоторыхъ головокъ Лемана. А выставляли многіе—и Рѣпинъ, и Верещагинъ, и Семирадскій, и Константинъ Маковскій... Но въ салонѣ трудно имѣть настоящій серьезный успѣхъ. Трудно соперничать съ французами. Превосходные техники. Для Россіи, скажемъ, Константинъ Маковскій недурно рисуетъ, а здѣсь любой второклассный французъ загонитъ его въ щель, выражаясь попросту... Каждый пенсіонеръ петербургской академіи считалъ своимъ долгомъ выставить что-нибудь въ салонѣ. Бывали и провалы, какъ, напримѣръ, у Рѣпина съ его „Въ кафэ". И немудрено. Ничего хорошаго не выйдетъ, ежели художникъ возьмется изображать чуждую ему жизнь чужого народа. Надо проникнуться ею, сжиться, тогда только можетъ что-нибудь выйти... Да, начиная съ Полѣнова и Рѣпина, всѣ пенсіонеры на моихъ глазахъ здѣсь прошли... Рѣпинъ пріѣхалъ уже женатый, съ двумя дѣтьми... Онъ жилъ здѣсь недалеко, на бульварѣ Клиши. Зашелъ я къ нему какъ-то въ лѣтнюю жару, а у него Стасовъ сидитъ безъ пиджака, пьетъ чай стаканъ за стаканомъ, отдувается и громко, со свойственной ему горячностью, доказываетъ все ничтожество Тиціана и Рафаэля передъ національными русскими картинами...

— Жива еще madame Віардо? — полюбопытствовалъ я.

— Жива. Я видѣлъ ее недавно. Ей уже девяносто лѣтъ, но она величава попрежнему. Ежели Тургеневъ и былъ всю свою жизнь влюбленъ въ эту женщину, — ничего нѣтъ удивительнаго. Она не была красавицей,—я писалъ ее нѣсколько разъ и, слѣдовательно, изучилъ хорошо ея голову,—но болѣе обаятельной женщины я не встрѣчалъ никогда... Въ ней всегда было что-то властное, подчиняющее. Умъ—громадный! Вѣдь, нельзя же назвать средними людьми такихъ, какъ Тургеневъ, Золя, Флоберъ, не правда-ли?

— О, конечно!..

— И представьте себѣ, они, эти люди, смолкали въ ея присутствіи, чувствовали себя маленькими, слабыми... Говорила только одна Віардо. И какъ умно, какъ интересно говорила... Я никогда не забуду тѣхъ вечеровъ, что проводилъ въ Буживалѣ..

Въ настоящее время Алексѣй Алексѣевичъ состоитъ предсѣдателемъ русскаго клуба, который помѣщается на rue de Rome, и о которомъ я буду говорить особо. Среди русскихъ художниковъ,—и молодыхъ, и старыхъ—Харламовъ пользуется большимъ, вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. На-дняхъ Алексѣй Алексѣевичъ уѣхалъ въ Италію отдохнуть, чтобъ осенью со свѣжими силами приняться вновь за работу.

Добрый путь ему!

Н. Брешко-Брешковскій.

Парижъ,
въ маѣ 1903 г.

Драга.

Многіе мужчины ее любили, но еще больше число тѣхъ, кто ее ненавидѣлъ. Во всякомъ случаѣ, это была необыкновенная женщина. Ярость, съ какой ее убили, ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Если бы вся ея вина сводилась только къ тому, что она недостойными средствами увлекла юнаго короля, это не возбудило бы къ ней такой ожесточенной злобы. Ея романъ съ королемъ—не больше, какъ скандальная исторія, какія встрѣчаются на каждомъ шагу. Это, въ общемъ,—довольно банальная исторія, и какимъ бы царственнымъ великолѣпіемъ ни окружалъ свою супругу король, какой бы короной ни украшалъ ея голову, Драга оставалась во всѣхъ глазахъ,—выражаясь мягко и вѣжливо,—особой съ сомнительнымъ прошлымъ. Что справедливо въ обвиненіяхъ, въ изобиліи сыпавшихся на ея голову,—кто знаетъ? Чѣмъ выше возносится простой смертный, тѣмъ охотнѣе вѣрятъ всѣмъ сплетнямъ, —все равно, идетъ-ли рѣчь о мужчинѣ или о женщинѣ. Для оставшихся внизу, во мракѣ, единственное утѣшеніе въ томъ, что возвысившійся—п ...

На нашемъ рисункѣ изображенъ моментъ, когда одну придворную даму, выше стоявшую по рожденію, чѣмъ королева, и отказавшуюся поцѣловать руку надменной Драги заставили въ присутствіи короля, придворныхъ и возмущенныхъ родственниковъ исполнить этотъ унизительный по принужденію обрядъ.

человѣкъ. Чѣмъ выше поднималась Драга, тѣмъ хуже она становилась въ глазахъ людей. И когда король сдѣлалъ ее своей женой, никто уже не сомнѣвался въ томъ, что она настоящая авантюристка. И вотъ прогремѣли выстрѣлы заговорщиковъ. Тридцати пуль показалось убійцамъ недостаточно, и тѣло было совершенно изуродовано сабельными ударами. Чѣмъ, —говоритъ „Neue Freie Presse",—объяснить кровожадность заговорщиковъ? Значитъ, въ концѣ концовъ, убитая королева была все же не простая авантюристка? Можетъ быть, незаурядная личность? Возмутительный залпъ по женщинѣ первый говоритъ въ ея пользу, и хотя теперь обѣлять ее уже поздно, но смерть возвеличила ее. Впервые она была признана дѣйствительной королевой.

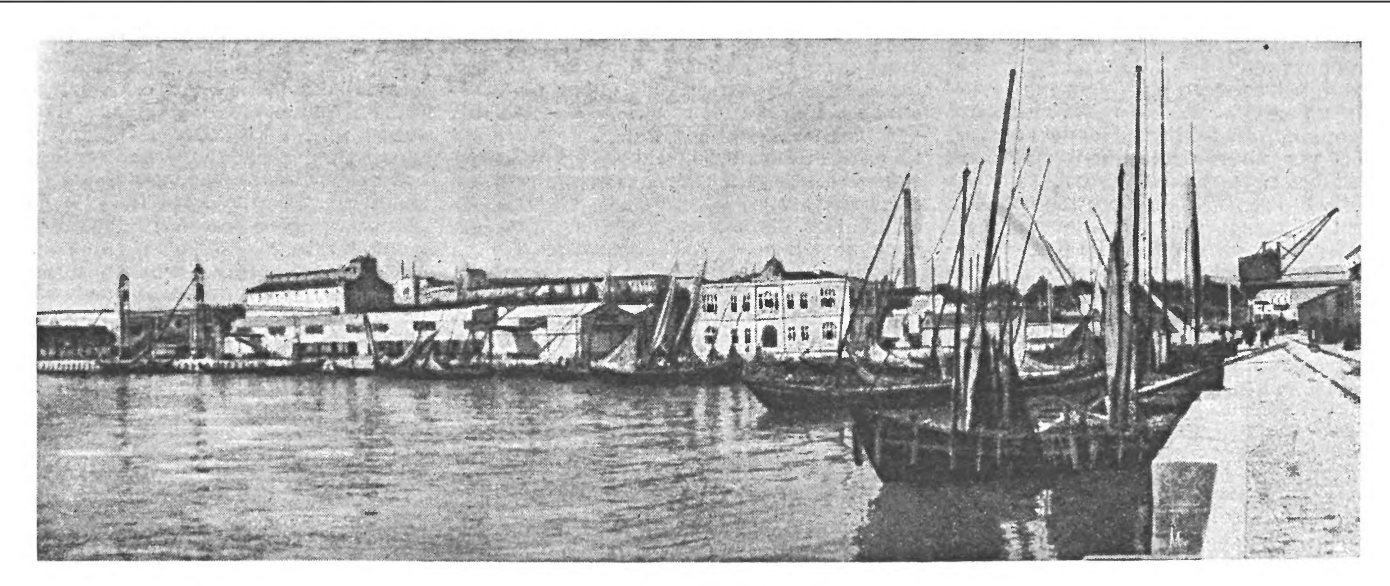
Имя Драги—на страницахъ исторіи. Оно скоро станетъ достояніемъ поэтовъ. Поэзія нечѣмъ инымъ не живетъ, какъ только любовью и ненавистью, а чѣмъ же, какъ не этими элементами богата жизнь Драги? На ея жизненномъ пути было много почти эпическихъ приключеній. Она была уже не особенно молода, когда ей удалось выйти замужъ за извѣстнаго инженера Машина. Онъ былъ небогатъ, но для бѣдной дѣвушки изъ сербскаго провинціальнаго городка этотъ бракъ все-таки былъ огромнымъ счастіемъ. Сербки быстро старѣютъ, а выдти замужъ въ такомъ глухомъ мѣстечкѣ чрезвычайно трудно. Надо жить въ Сербіи, чтобы имѣть понятіе, что это за глушь. И на мужчину, если онъ не свинопасъ, тамъ устраивается настоящая травля! Машинъ попался на удочку. По тѣмъ даннымъ, которыя имѣются теперь, можно безошибочно сказать, что не Ма-

Король сербскій Александръ и королева Драга.
† 29-го мая 1903 года.

Торжественная закладка русскаго памятника въ Плевнѣ, сооружаемаго болгарами, въ память освободительной войны 1877—1878 гг.

Церемонія состоялась въ присутствіи высшихъ болгарскихъ властей, русскаго дипломатическаго агента Ю. П. Бахметева и другихъ представителей дипломатическаго корпуса въ Софіи.

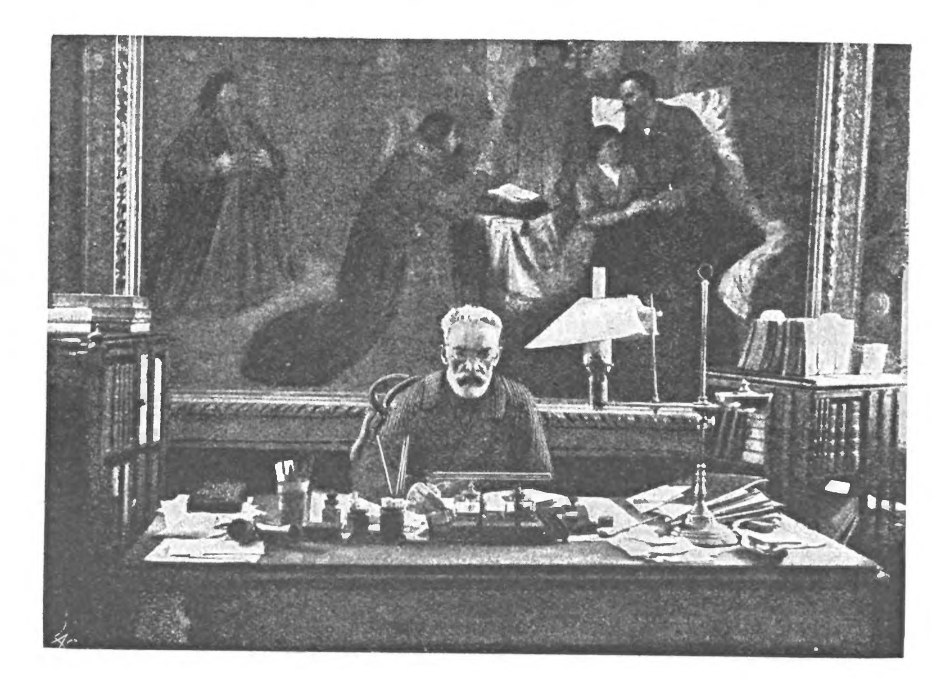
Портъ Гайдаръ-Паша около Константинополя.

шинъ на ней женился, а она женила его на себѣ. Впрочемъ, такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ...

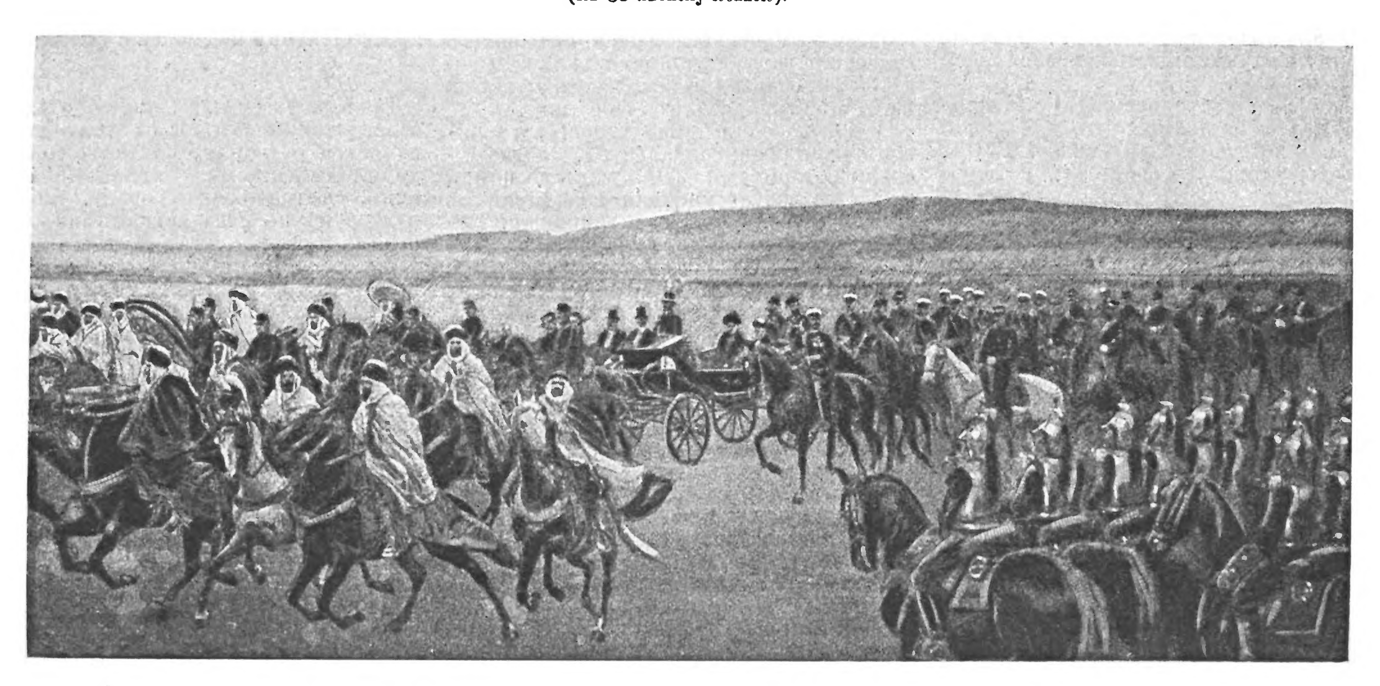
Злые языки говорятъ, что Драга училась искусству завлекать, искусству, доведшему ее до трона, не на одномъ своемъ мужѣ. А съ 20 рублями вдовьей пенсіи поневолѣ будешь прибѣгать къ чьей-нибудь помощи. Но это все, такъ сказать, относится къ доисторическимъ временамъ. На страницахъ міровой исторіи Драга впервые выступаетъ тогда, когда поступаетъ въ услуженіе къ королевѣ Наталіи — „застегивать ей сапоги".

При маленькихъ дворахъ, а въ особенности у королей въ изгнаніи, границы придворныхъ обязанностей очень растяжимы. Часто никто не знаетъ, гдѣ кончается камергеръ и начинается камердинеръ. Въ изгнаніи особенно сглаживаются эти различія, и въ трудныя минуты вѣрный камергеръ въ своемъ раззолоченномъ мундирѣ чиститъ несчастному королю сапоги.

Какое положеніе занимала вдова Машина при королевѣ Наталіи? — Оффиціальные сочинители легенды о Драгѣ, передѣлавшіе отца ея, свиноторговца Луневица, въ воеводу, впервые показываютъ Машину въ Біаррицѣ придворной дамой королевы Наталіи. Это, однако, противорѣчитъ свидѣтельству королевы Наталіи, которая часто писала на откры-

Извѣстный криминалистъ профессоръ И. Я. Фойницкій, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.
(Къ 35-лѣтнему юбилею).

Картина М. Розена: Смотръ французскимъ войскамъ въ Бетени въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ 21 октября (н. ст.) 1901 г.

тыхъ письмахъ, что „ея невѣстка была ея камеристкой".

Впрочемъ, въ психологическомъ отношеніи не очень важно, была-ли Драга придворной дамой или камеристкой; какую бы должность она ни исполняла, ей, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало думать о тронѣ. Какими душевными качествами должна обладать женщина, которая въ такомъ скромномъ положеніи можетъ питать такіе планы! Она зорко все высмотрѣла, пока рѣшилась на свой дерзкій шагъ. Ее возвысилъ боязливый юноша съ короной на слабой головѣ. Отпрыскъ несчастнаго, поколебленнаго въ своихъ основахъ брака, онъ въ ранней юности, какъ мячикъ, былъ перебрасываемъ отъ отца къ матери, и также внезапно ребенкомъ былъ брошенъ на тронъ. И вотъ настало время, какое настаетъ для всѣхъ юношей, принцевъ и простыхъ смертныхъ, — время мечтаній и сердечныхъ увлеченій. Правда, королей тщательнѣе оберегаютъ отъ глупыхъ увлеченій, чѣмъ простыхъ юношей, какъ отъ многихъ дѣтскихъ болѣзней, но у кого должна быть корь, у того она будетъ.

Такой корью была Драга. Робкое отношеніе юнаго короля къ женщинамъ было ей на руку; оно дозволяло ей легче добиться своей цѣли. Какъ это случилось, никому не извѣстно, но блестящій результатъ налицо. Служанка сдѣлалась госпожей, сперва съ лѣвой стороны, затѣмъ полновластной, законной. Еще нѣсколько ступеней—и она была на тронѣ. Здѣсь уже она становится величественной. Королевъ съ лѣвой стороны всегда было довольно. Онѣ знали слабыя стороны своихъ властителей, властвовали въ тиши и довольствовались выгодами своего положенія; къ тому же въ льстецахъ при дворѣ недостатка никогда не было. Но не того хотѣлось гордой Драгѣ. Она не желала тайнаго торжества, ей нужны были блескъ и солнце. О ней должны были слышать въ ея родномъ Горномъ-Мильновацѣ, и въ Шабацѣ, и въ Бѣлградѣ, и въ Біаррицѣ. И не только школьныя подруги въ Шабацѣ, а всѣ придворныя дамы и камеристки, съ которыми она сталкивалась въ путешествіяхъ, всѣ должны были слышать—и умереть отъ зависти. Она хотѣла не напрасно нянчиться съ королемъ, ей хотѣлось блистать и торжествовать. Она не желала, чтобы король тайно прокрадывался къ ней,—нѣтъ, она хотѣла, чтобы онъ въ полномъ королевскомъ облаченіи съ короной на головѣ привелъ ее къ алтарю, какъ она читала въ сказкахъ, гдѣ въ бѣдныхъ, голодныхъ служанокъ влюбляются королевскіе принцы.

Коронованіе состоялось. Но честолюбивая Драга не поняла, что въ жизни люди не любятъ такихъ сказокъ. Она считалась только съ завистью, которую возбудитъ въ своемъ родномъ городишкѣ, Бѣлградѣ и другихъ мѣстахъ, но не подумала о ненависти, могущей смутить ея счастье. Удивительно, что не только въ высшихъ слояхъ общества, но также и въ низшихъ не любятъ неравныхъ браковъ. Слѣдовательно, уже по одному этому бракъ короля Александра съ Драгой не могъ быть популяренъ.

Драга была разочарована. По ея мнѣнію, въ ея прошломъ было только одно пятно—ея служба въ качествѣ камеристки. Она узнала теперь, что короли не ложатся спать въ коронахъ, что они спорятъ, ревнуютъ, сердятся, словомъ, что они такіе же люди, какъ и вездѣ, въ Мильновацѣ, въ Шабацѣ, и что троны въ сущности просто кресла, только выше поставленныя и богаче украшенныя. Она не поняла, что настоящій тронъ—не это видимое простымъ глазомъ кресло. Для нея былъ открытъ путь и къ истинному королевскому величію: если бы она жила, какъ кающаяся грѣшница, какъ благодѣтельная, разливающая всюду добро служанка своей страны, проводящая дни въ хижинахъ бѣдняковъ и облегчающая страданія больныхъ. Но о такой роли королевы она не понимала. Она думала, что королевское достоинство состоитъ въ валансьенскихъ кружевахъ, крупныхъ жемчугахъ, шелковыхъ чулкахъ, шелковыхъ платьяхъ и вкладахъ въ англійскій банкъ. Это и была роковая ошибка, погубившая ее.

Чувствуя вокругъ себя возраставшую ненависть, она ухватилась за самыя невѣрныя средства, чтобы спастись. Она пожелала, чтобы стереть свое прошлое, по примѣру Наполеона, одѣть въ пурпуръ всю свою родню. Говорятъ, что она хотѣла объявить своего брата наслѣдникомъ престола, чтобы устранить короля; это - догадка мало вѣроятная. Она просто была тщеславная, гордая, ненасытная въ честолюбіи женщина. Но при всей своей хитрости была довольна наивна, вѣря въ сказки, что служанка можетъ быть настоящей королевой. И, можетъ быть, эта увѣренность ея и производила такое чарующее дѣйствіе на Александра и другихъ. Ея привязанность къ своей семьѣ послужила ей гибелью. Искусственное возвышеніе своихъ родныхъ въ принцевъ королевской крови она считала простымъ дѣломъ, она питала мало уваженія къ королевскому сану, зная всѣ подпольныя тайны. И, благодаря этому же неуваженію она возвысилась и погибла.

Шампанское и слезы.

Мы, парижане, хотя и косвенно, но все же причастны къ ужасной катастрофѣ, разыгравшейся въ Бѣлградѣ. Насъ можно сравнить съ хозяиномъ отеля, въ которомъ изрѣдка останавливался герой страшной трагедіи.

Строгіе критики, пожалуй, будутъ утверждать, что на Парижъ падаетъ часть моральной отвѣтственности за случившееся. Вѣдь Парижъ воспиталъ или, вѣрнѣе, избаловалъ обоихъ властителей Сербіи, повліялъ на ихъ первыя юношескія впечатлѣнія и—по отношенію къ Милану—сыгралъ роль коварнаго обольстителя, отвлекшаго легкомысленнаго короля отъ его прямыхъ обязанностей.

Король Миланъ получилъ воспитаніе въ лицеѣ Людовика (Louis-le-Grand). Еще живы многіе изъ людей, сидѣвшихъ съ королемъ на одной школьной скамейкѣ. Ихъ отзывы о покойномъ монархѣ далеко не говорятъ въ его пользу.

Онъ былъ однимъ изъ худшихъ учениковъ: лѣнивый, неразвитой, легкомысленный и первый зачинщикъ во всѣхъ шалостяхъ. Его учителя вздохнули съ облегченіемъ, когда сербы призвали Милана,—въ ту пору четырнадцатилѣтняго мальчика,—чтобы сдѣлать его королемъ. Однако, разлука съ Парижемъ была лишь временной.

Бывшій парижскій гимназистъ часто сталъ навѣщать гостепріимные берега Сены, чтобы отдохнуть отъ тяжкихъ государственныхъ заботъ въ парижскихъ ресторанахъ, игорныхъ домахъ, за кулисами маленькихъ театровъ, и въ гостиныхъ извѣстныхъ кокотокъ. Еще будучи королемъ, онъ сдѣлался грозою элегантныхъ клубовъ: онъ очень охотно выигрывалъ, а если и проигрывалъ —что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, то это мало его огорчало: — онъ не платилъ. Послѣ своего отреченія онъ сдѣлался графомъ Такова — парижскимъ гражданиномъ, къ великому огорченію мѣстной полиціи, которая, видя въ немъ короля, постоянно дрожала за его тѣлесную неприкосновенность; а послѣдняя, вслѣдствіе разныхъ похожденій Милана, частенько-таки подвергалась риску. Что же касается игры, то лишь банкометы второстепенныхъ и третьестепенныхъ игорныхъ притоновъ открывали ему свои объятья, — въ приличныхъ клубахъ его принимали неохотно. Онъ оставлялъ въ этихъ притонахъ все, что, время отъ времени, ему удавалось урвать у своихъ подданныхъ, своего сына и другихъ коронованныхъ особъ. Поигрывалъ онъ и на тотализаторѣ, который стоилъ не мало денегъ бѣдному сербскому изгнаннику. Когда же Миланъ въ конецъ промотался, то даже маркеры ночныхъ ресторановъ отвернулись отъ нѣкогда любимаго бонвивана - короля: чувства республиканцевъ взяли верхъ.

Покойный король Александръ былъ менѣе популяренъ въ Парижѣ. Онъ бывалъ у насъ только проѣздомъ въ Біаррицъ, гдѣ отъ двѣнадцати до шестнадцатилѣтняго возраста проводилъ каждое лѣто у своей матери, королевы Наталіи. Но дома, въ Бѣлградѣ, онъ воспитывался на французскій ладъ, вѣроятно потому, что его отецъ былъ очень доволенъ тѣмъ воспитаніемъ, какое самъ получилъ въ Парижѣ.

* * *

Нельзя сказать, чтобы отзывы учителей объ Александрѣ были черезчуръ похвальными: тупой, замкнутый, мало развитой, мало воспріимчивый—таковъ портретъ, рисуемый ими. Пребываніе Александра въ Біаррицѣ подтверждало эту характеристику: на посѣтителей элегантнаго курорта юный король производилъ отнюдь не пріятное впечатлѣніе. Онъ слылъ за нервнаго, необщительнаго, несноснаго въ обращеніи мальчика. Какъ извѣстно, въ Біаррицѣ зародилось и чувство короля къ г-жѣ Драгѣ Машиной, которая сопровождала королеву Наталію во Францію въ качествѣ статсъ-дамы. Всѣ пріѣзжіе гости курорта были посвящены въ романъ, разыгравшійся въ королевской виллѣ.

Мать несчастнаго короля, многострадальная королева Наталія, единственная изъ всей семьи сумѣла привлечь къ себѣ симпатіи и уваженіе французовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она приняла католицизмъ, она играетъ выдающуюся роль въ высшемъ французскомъ обществѣ. Нѣтъ ни одного благотворительнаго базара, ни одного свѣтскаго праздника, гдѣ бы въ спискѣ дамъ-патронессъ не фигурировало ея имя. Но тутъ же, въ Парижѣ, гдѣ живетъ мать послѣдняго изъ Обреновичей, живетъ и мать одного изъ претендентовъ на сербскій престолъ.

* * *

Тамъ, за тріумфальными воротами, гдѣ сосредоточились дворцы свѣтилъ французскаго общества, обитаетъ со своими двумя сыновьями княгиня Карагеоргіевичъ, тетка новаго короля. Ея покойный супругъ былъ изгнанъ изъ Сербіи своимъ братомъ, отцомъ князя Петра.

Онъ, какъ старшій, долженъ былъ вступить на сербскій престолъ; его старшій сынъ Алексѣй является законнымъ претендентомъ. Рессурсы старшей линіи Карагеоргіевичей съ теченіемъ времени значительно сократились. Поэтому младшій сынъ, князь Божидаръ, своимъ трудомъ обезпечиваетъ себѣ жизнь. Онъ—художникъ, рисуетъ для крупныхъ ювелировъ и модныхъ магазиновъ эскизы и даетъ хорошо оплачиваемые уроки музыки. Совсѣмъ иной человѣкъ—Арсеній Карагеоргіевичъ, братъ новаго короля.

Младшая линія семьи Карагеоргіевичей богата. Доходы позволяютъ князю держать скаковую конюшню. Онъ сумѣетъ съ достоинствомъ играть трудную роль королевскаго брата въ бурномъ водоворотѣ Парижа. Если вѣрить его консьержу, онъ заявилъ, что вчерашній день —лучшій въ его жизни, причемъ удо-

стоилъ обнять почтенную супругу домохранителя. Въ одномъ извѣстномъ среди спортсменовъ ресторанѣ близъ Оперы, онъ при звонѣ бокаловъ отпраздновалъ конецъ этого чуднаго дня.

* * *

Въ то же время за городомъ въ Версалѣ рыдала убитая горемъ мать. А тамъ, въ скромной квартирѣ другихъ Карагеоргіевичей, другая мать высказывала искреннее сожалѣніе о жертвахъ кровавой расправы, несмотря на то, что жертвы эти были причиной всѣхъ несчастій, постигшихъ ея семью.

Парижъ,
30-го мая 1903 г.

Изъ дневника персидскаго шаха.

Американская газета „New-Jork Herald" приводитъ выписки изъ дневника персидскаго шаха, веденнаго этимъ монархомъ во время путешествія по Европѣ. Отзывы и впечатлѣнія шаха въ высшей степени своеобразны и, для европейскаго читателя, часто и забавны.

Вотъ, что, напримѣръ, думаетъ шахъ о климатѣ Англіи. „Англичане должны очень часто и основательно мыться, чтобы очиститься отъ постоянныхъ тумановъ и безпрестанныхъ дождей. Жители Великобританіи такъ любятъ воду, что иногда моются по два раза въ день. Даже члены королевской семьи и знатные сановники находятъ удовольствіе въ этой довольно дѣтской забавѣ".

Мнѣніе шаха о прелести и ловкости англійскихъ дамъ не очень лестно: „Англичанки съ виду очень красивы. Кожа ихъ нѣжная и чистая, но фигуры у нихъ неестественны и угловаты. Онѣ совершенно лишены живости француженокъ и очаровательной смѣлости американокъ, которыхъ, между прочимъ, очень много въ Лондонѣ. Англичанка страстно любитъ всѣхъ животныхъ и часто является образцомъ хорошей супруги и матери" (Сопоставленіе нѣсколько оригинальное).

Огромныя богатства нѣкоторыхъ англичанъ произвели сильное впечатлѣніе на шаха. По этому поводу онъ пишетъ: „Многія частныя лица часто почти также богаты, какъ самъ король... Это, конечно, много говоритъ въ пользу сердечной доброты короля Эдуарда; говорятъ, что онъ никогда на это дурно не смотритъ и никогда не наказываетъ своихъ подданныхъ присвоеніемъ ихъ большихъ имуществъ себѣ".

Въ Персіи поступаютъ иначе...

Послѣдніе заказы королевы Драги.

Несчастная королева Драга была такъ далека отъ мысли о предстоявшей гибели, что за нѣсколько часовъ до смерти занималась своими туалетами. Одинъ большой торговый домъ въ Вѣнѣ получилъ письмо отъ камеристки королевы, помѣченное 28-мъ мая, съ требованіемъ поспѣшить высылкой заказаннаго батистоваго бѣлья, какое обыкновенно королева носила лѣтомъ. Упомянутое бѣлье было уже раньше прислано въ Бѣлградъ, но снова отослано обратно, потому что королева потребовала, чтобы на всѣхъ вещахъ были вышиты большія красивыя монограммы „Д. О." подъ королевской короной.

А въ пятницу въ Землинъ съ утреннимъ поѣздомъ прислано элегантное вечернее платье, заказанное королевой вѣнскому дому Дреколль, съ требованіемъ *непремѣнно прислать его въ пятницу, 30-го мая.* Посланная телеграмма была подписана камеристкой покойной королевы, г-жей Веберъ.

А за нѣсколько дней до катастрофы тѣмъ же домомъ Дреколль былъ присланъ королевѣ Драгѣ другой туалетъ, — очень элегантное бѣлье, платье изъ вуаля съ кружевными инкрустаціями. Королева цѣлый годъ ничего не заказывала и только три недѣли тому назадъ послала за рисунками, послѣ чего вѣнская фирма и получила заказъ на оба вышеупомянутые туалета. Платье, присланное въ Землинъ въ пятницу утромъ, чрезвычайно элегантно.

Оба туалета представляютъ цѣнность въ нѣсколько тысячъ рублей.

Состязаніе между воздушнымъ шаромъ и автомобилемъ.

Изъ Лондона сообщаютъ, что на прошлой недѣлѣ, въ ночь съ субботы на воскресенье, произошло въ своемъ родѣ единственное, небывалое еще состязаніе между автомобилемъ и воздушнымъ шаромъ. Шаръ въ 45,000 кубическихъ футъ былъ въ субботу вечеромъ наполненъ газомъ и въ 9 часовъ Э. Ф. Поллокъ и Франкъ Буттлеръ вошли въ лодку, а въ половинѣ десятаго шаръ сталъ подниматься на воздухъ. Въ этотъ же самый моментъ пустился въ путь и автомобиль въ семь лошадиныхъ силъ, на рулѣ сѣлъ владѣлецъ его, извѣстный воздухоплаватель и автомобилистъ, профессоръ Гунтингтонъ. Воздухоплаватели повѣсили маленькій, но сильный электрическій фонарь и это крошечное, свѣтящееся пятно въ вышинѣ, среди безчисленныхъ миріадовъ звѣздъ, было единственнымъ путеводителемъ для людей, сидѣвшихъ на моторѣ. Свѣжій, сѣверный вѣтеръ, темносинее небо и почти полный мѣсяцъ, благопріятствовали состязанію. Свѣтлое пятно пролагало свой путь среди звѣздъ довольно быстро — по 20 миль въ часъ и когда оно совсѣмъ затерялось въ безграничномъ пространствѣ, профессоръ не потерялъ мужества, онъ ускорилъ ходъ и легко преодолѣвалъ всѣ холмы и препятствія. Наконецъ, онъ опять увидѣлъ свѣтъ, но уже позади себя и опять свѣтъ исчезъ за горами. На пути въ Соутгемптонъ уже стало свѣтать; блестящая электрическая точка опять засеребрилась на голубомъ небѣ и указала мотору путь. Это была безумная скачка. Но вотъ моторъ примчался къ морю, вода отрѣзала дальнѣйшій путь, а шаръ вдругъ безслѣдно исчезъ. Всѣ опросы окрестныхъ жителей были безрезультатны, и автомобилисты должны были прекратить ѣзду. Позднѣе пришла телеграмма воздухоплавателей, гласившая слѣдующее: „Это былъ въ высшей степени интересный опытъ. Видъ Лондона, ночью, съ сотнями ярко освѣщенныхъ улицъ, былъ великолѣпенъ. Мы летѣли со скоростью 20 миль въ часъ и спустились въ $2^1/_2$ часа утра на берегу моря, близъ Пооле".

Наслѣдникъ престола, получившій выговоръ.

Изъ Іоганнесбурга сообщаютъ, что баронъ Эдуардъ Гюльзе покончилъ свою жизнь пистолетнымъ выстрѣломъ. Это тотъ самый баронъ Гюльзе, который былъ когда-то другомъ Эдуарда VII, когда тотъ еще былъ принцемъ Уэльскимъ и велъ веселую жизнь, въ тѣ времена, когда англійскій наслѣдникъ престола ставилъ себѣ въ образецъ великодушнаго и веселаго принца изъ популярной комедіи „Кинъ". Этотъ же баронъ Гюльзе игралъ роль въ знаменитомъ игорномъ процессѣ, въ которомъ принцъ Уэльскій давалъ показанія въ качествѣ свидѣтеля. Когда принцъ окончилъ свое показаніе, судья обратился къ нему въ строгомъ тонѣ:

— Вашему королевскому высочеству кажется достойнымъ англійской короны впутываться въ подобныя дѣла? Ваше королевское высочество можетъ удалиться!

Принцъ молча покинулъ залу.

Суевѣрный правитель.

Князь Фердинандъ Болгарскій, говорятъ, отличается удивительнымъ суевѣріемъ. Къ пятницѣ и въ особенности къ тринадцатому числу онъ питаетъ непреодолимое отвращеніе. Этому обстоятельству приписываютъ, по словамъ „Vossische Zeitung", то, что болгарскій министръ общественныхъ работъ Поповъ, въ отвѣтъ на рѣчь князя, произнесенную на торжествѣ открытія Бургасской гавани, упомянулъ по этому поводу о состоявшемся 13-го мая 1890 года освященіи желѣзнодорожной вѣтви Ямболи - Бургасъ, начавъ свою рѣчь слѣдующимъ неожиданнымъ образомъ: „Двѣнадцать лѣтъ и двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ угодно было вашему королевскому высочеству и т. д.".

Американская лягушечья ферма.

Американскія газеты разсказываютъ удивительныя вещи о томъ, что въ Америкѣ развелось огромное количество лягушечьихъ фермъ, на которыхъ занимаются откармливаніемъ и разводкой съѣдобныхъ лягушекъ, такъ какъ у янки съ каждымъ днемъ все больше и больше входитъ въ моду блюдо изъ лягушекъ. Самая лучшая ферма — это недавно устроенная въ окрестностяхъ Бостона подъ названіемъ „Massachusetts Company". Она занимаетъ пространство въ 20 гектаровъ, расположена вокругъ огромнаго, естественнаго пруда, соединеннаго съ другими меньшими, искусственными. Пруды эти служатъ для разводки и методическаго откармливанія лягушекъ.

Вблизи сооружены особые резервуары, въ которыхъ сохраняются личинки; кромѣ того, есть особые теплые дома, въ которыхъ живутъ лягушки зимой. Пока бостонская лягушечья ферма доставляетъ ежегодно 50,000 лягушекъ, но со временемъ это количество удвоится.

ПЕНСІИ ЗА ЗАСЛУГИ ПРЕДКОВЪ.

Одна англійская газета печатаетъ списокъ лицъ, которымъ англійскій народъ выдаетъ огромныя пенсіи, хотя лица эти лично не оказали никакихъ услугъ отечеству. Нынѣшній четвертый герцогъ Веллингтонъ получаетъ ежегодную пенсію въ 40 тысячъ рублей отъ правительства, потому что первый герцогъ былъ знаменитымъ полководцемъ. Самъ желѣзный герцогъ получилъ 4 милліона, какъ вознагражденіе за „оказанныя услуги", но послѣ его смерти его наслѣдникамъ выданъ былъ еще одинъ милліонъ. Нынѣшній лордъ Нельсонъ, уважаемый пэръ королевства, получаетъ ежегодно 500,000 рублей пенсіи изъ кармана плательщиковъ податей только за то, что случайно приходится племянникомъ герою Трафальгара. Пенсія въ 40,000 руб. больше не выдается герцогамъ Мальборо потому, что прежній герцогъ 15 лѣтъ тому назадъ удовлетворился навсегда милліономъ рублей. За побѣду при Бленгеймѣ выплачено 5 милліоновъ рублей людямъ, не имѣвшимъ никакихъ правъ на благодарность народа. Очень большая пенсія выплачивается герцогу Ричмондскому, именно 150 тысячъ рублей ежегодно. Эта пенсія въ 1799 г. была дана

герцогу Ричмондскому Георгомъ III за то, что онъ отказался отъ права собирать пошлину въ количествѣ одного шиллинга на каждую добываемую тонну угля. Но эта сдѣлка въ сущности только отняла у слѣдующихъ герцоговъ заботу взимать эту пошлину. Только два или три года тому назадъ герцогъ Норфолькскій, одинъ изъ богатѣйшихъ пэровъ Англіи, отказался отъ ежегодной пенсіи въ 400 рублей, получаемой за то, что одинъ изъ его предковъ, Карлъ Сюррей, отличился 400 лѣтъ тому назадъ подъ Флоддены Фьельдомъ! Лордъ Родвей получаетъ пенсію въ 20,000 рублей за то, что носитъ имя храбраго моряка, 120 лѣтъ тому назадъ уничтожившаго испанскій флотъ на Гибралтарѣ. Семья его получила 2 милліона рублей.

Жизнь прежнихъ принцессъ.

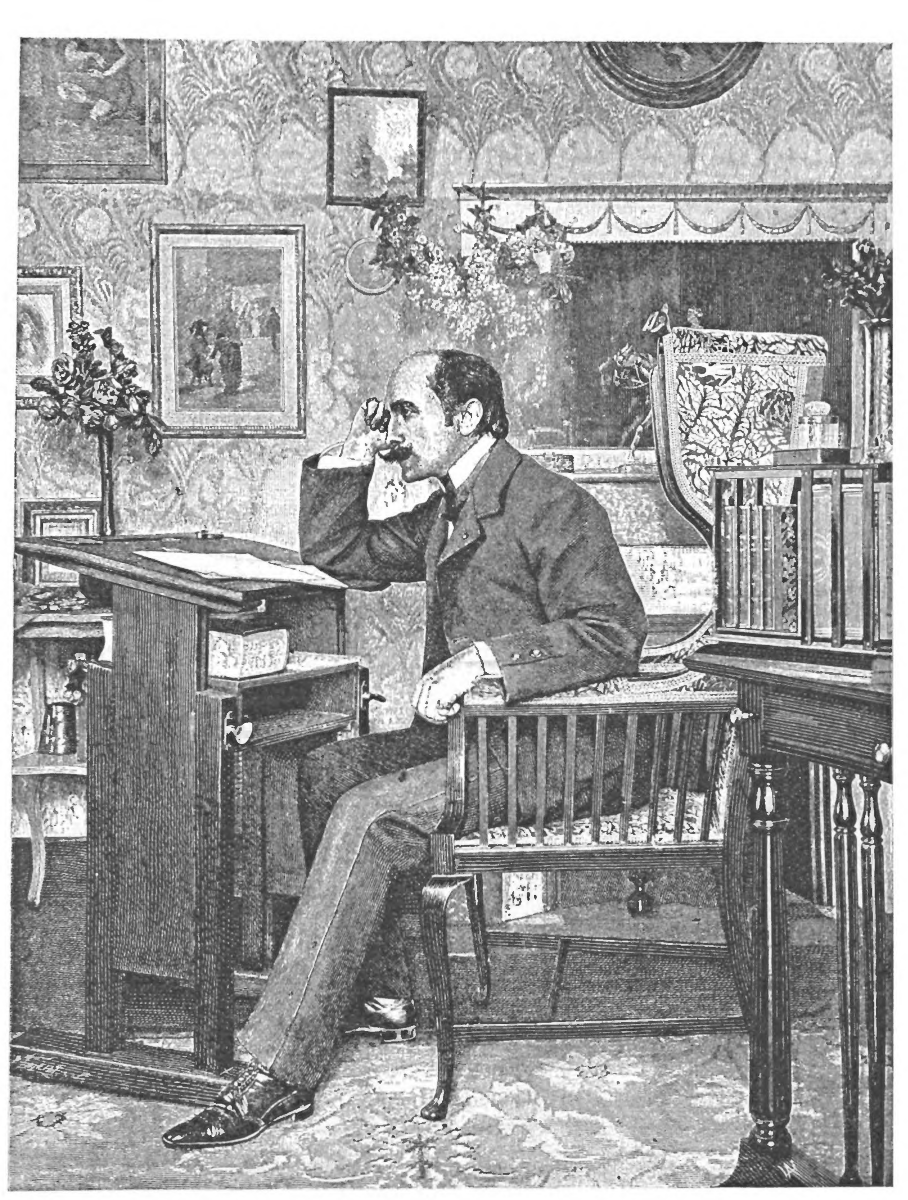
Въ парижскомъ Луврѣ, между прочими историческими портретами, находится портретъ инфанты Маргариты, работы Веласкеза. Большіе голубые глаза ребенка смотрятъ изъ рамы невесело и не по дѣтски; лицо, обрамленное пепельными локонами, носитъ отпечатокъ какого-то безжизненнаго покоя, ранняго сознанія королевскаго величія и придворной чопорности. Въ этихъ нѣжныхъ чертахъ читается какое-то затаенное страданіе.

Судьба испанскихъ принцессъ вообще была незавидна. Желѣзными тисками сжималъ холодный придворный этикетъ съ самой ранней юности всякое естественное проявленіе чувства, всякое безпечное веселье. Принцессы жили подъ присмотромъ застывшей въ формализмѣ гофмейстерины рабынями, которымъ только оказывались королевскія почести. Напримѣръ, онѣ не смѣли ничего себѣ сами взять, — игрушки, книги подавались имъ съ соблюденіемъ извѣстнаго этикета. Если юная принцесса падала, она должна была спокойно лежать и ждать, пока ее подниметъ приставленная для этого придворная дама. Всякое громкое проявленіе какого бы то ни было чувства въ тихихъ королевскихъ покояхъ, гдѣ всѣ ходили на цыпочкахъ, считалось государственнымъ преступленіемъ.

Не радостнѣе протекало дѣтство и многихъ французскихъ принцессъ. Одна парижская газета сообщаетъ интересныя подробности о воспитаніи дочерей Людовика XV. Когда разстройство французскихъ финансовъ приняло угрожающіе размѣры, кардиналъ Флери потребовалъ сокращенія расходовъ при дворѣ. Рѣшено было измѣнить воспитаніе дочерей Людовика XV. Придворный штатъ ихъ былъ распущенъ; одно время даже думали ихъ помѣстить въ Сенъ-Сирѣ, какъ дочерей обѣднѣвшихъ дворянъ, наконецъ, ихъ послали въ одинъ провинціальный монастырь. Когда онѣ вышли изъ этого превосходнаго учебнаго заведенія, онѣ могли съ трудомъ разбирать грамоту; не лучшее образованіе онѣ получили и со стороны характера. Онѣ были непомѣрно заносчивы и смотрѣли на прочихъ смертныхъ, какъ въ пустое пространство, но истинно королевскаго достоинства имъ всетаки недоставало; когда гремѣлъ громъ или сверкала молнія, ярко высказывалось ихъ полное невѣжество, и онѣ тогда бросались подъ защиту своихъ камеристокъ. Одна принцесса такъ всю жизнь страдала припадками внезапнаго безпричиннаго страха, слѣдствіе варварскаго воспитанія монахинь, которыя непослушныхъ воспитанницъ посылали въ наказаніе ночью на кладбище. Можно представить себѣ, что должны были испытывать суевѣрныя, невѣжественныя дѣвочки. Вернувшись ко двору, принцессы жили очень уединенно въ своихъ покояхъ. Главная ихъ забота состояла въ ухаживаніи за нѣсколькими цвѣтами на балконѣ. Нѣжный отецъ посвящалъ имъ по нѣсколько минутъ ежедневно,—все остальное время у него уходило на государственныя дѣла и на фаворитокъ. Одна изъ принцессъ, Викторія, безъ сожалѣнія оставила дворъ и поступила въ монастырь, и тамъ, раньше возбуждавшая насмѣшки всего двора своей худобой и блѣдностью, расцвѣла подъ суровымъ гнетомъ монастыря, гдѣ королевская дочь должна была мыть и чистить, какъ простая служанка. Самая низкая работа ей была пріятнѣе, чѣмъ ужасная, вынужденная праздность при дворѣ. Только одно было ей сперва непріятно и тяжело: спускаться по лѣстницамъ. При дворѣ принцессы сами не дѣлаютъ шага по лѣстницамъ безъ помощи пажей или камергеровъ. Въ первое время монастырской жизни принцесса не сходила по лѣстницѣ, а въ полномъ смыслѣ слова сползала.

При австрійскомъ дворѣ воспитаніе было свободнѣе, но всетаки оставляло желать много лучшаго. Когда Марія Антуанетта пріѣхала во Францію, она царапала буквы, какъ шестилѣтній ребенокъ, хотя это не мѣшало придворнымъ прихвостнямъ превозносить латинскія познанія австрійской принцессы, заучившей наизусть нѣсколько латинскихъ изреченій и повторявшей ихъ, какъ попугай.

Мемуары маркграфини Байрейтской, дочери Фридриха-Вильгельма I, говорятъ тоже, что жизнь принцессы при прусскомъ дворѣ далеко не была такъ завидна, какъ это обыкновенно думаютъ непосвященные люди.

Французскій писатель Эдмондъ Ростанъ, избранный въ число „безсмертныхъ“.

Портъ Гайдаръ-Паша около Константинополя.

(Къ рис. на стр. 165).

На восточномъ берегу Босфора, къ югу отъ Скутари, лежитъ Гайдаръ-Паша, исходная точка анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ этомъ пунктѣ, чрезвычайно важномъ для транзита товаровъ въ Анатолію, нѣмецкая компанія анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ рѣшила соорудить огромную гавань, отвѣчающую всѣмъ современнымъ требованіямъ. Постройка началась въ 1899 году и закончена нынѣшней весною. Возведены колоссальные молы, пристани, краны; береговая линія окована каменной броней набережной. Гавань снабжена электрической станціей, изрѣзана рельсами для вагоновъ и т. д. Все это создано нѣмецкими инженерами,—главнымъ образомъ, фирмами „Лугеръ“, въ Брауншвейгѣ, и „Сименсъ и Гальске“.

Такимъ образомъ, германская техника закрѣпляетъ за своей родиной плоды, пожатые германской дипломатіей.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппер.